
ВЫЗОВ ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ

А.В. Семушкин

Российский университет дружбы народов

В статье рассматривается понятие трансценденции, ее значимость в жизни человека и общества. Отмечается, что ее утрата ведет к личностной и социальной деградации. Вскрываются исторические типы трансценденции: от традиционного общества до современности. Автор выражает озабоченность духовным состоянием современного человека, утратившего устремление к трансцендентному, духовно-нравственный идеал, созидающий из хаоса космос. Вместе с тем выражается надежда, что трансцендентное не ушло, а лишь меняет свои формы.

Ключевые слова: идеал, космос, смерть, трансценденция, трансцендирование, утопия, хаос, экзистенция.

Все действительное имеет горизонт.

Э. Блох

Мы видим, что истинное я, то, которое желает быть самим собой, терпит крах, а это значит, что оно готово к чему-то другому, и это другое – Трансценденция.

К. Ясперс

Издавна и по сей день всё трансцендентное, та роль, которую оно играло в жизни человека, раскрывались через упорядочивание смыслового и ценностного хаоса, придание человеческому бытию большей устойчивости и определённости. На индивидуально-экзистенциальном уровне Трансценденция расширяет символические горизонты ценностно-смыслового пространства, выводя смысл жизни и порождаемые им более конкретные смыслы за пределы сиюминутных материально-практических интересов. На социальном уровне Трансценденция формирует основу для коммуникации и интеграции там, где земные прагматические истины могли бы сеять зерна раздора и нетерпимости.

Сегодня вызов Трансценденции звучит не менее требовательно, чем в любую из прошлых эпох, но в определённом смысле это уже совершенно новый вызов, новизна которого обусловлена принципиально иной социокультурной ситуацией, в которой человек вынужден отвечать на этот вызов. Наш мир претерпевает радикальные изменения, всё больше учёных называют нашу эпоху эпохой нестабильности. Социальная реальность больше не функционирует как простая система и, следовательно, не может быть адекватно объяснена как таковая, системность начинает тонуть в своей сложности, перерождаясь в труднопредсказуемую сверхчувствительную систему,

для постижения которой нам требуется уже новая теория – «теория хаоса». Но с древнейших времён мифы и предания самых разных культур повествуют о том, как трансцендентное начало – не имеет значения, какие формы оно принимает, – преодолевает хаос и творит из него космос – реальный или символический. В этом заключается миссия Трансценденции и сегодня.

Трансценденция подобна якорю, брошенному в небо. И корабль человеческой жизни больше не носит по воле волн. Но как якорь может удержать корабль навеки у единственной пристани, так и Трансценденция-якорь может сделать людей ограниченными и близорукими.

Трансценденция подобна недостижимо высокой звезде, указывающей человеку путь. И чем выше горит звезда, тем большую часть мира она способна озарить своим светом. Беда тому, кто не удержит свою Трансценденцию достаточно высоко и уронит её в пучину преходящих ценностей, сконструированных индивидуальным или коллективным эго, кто будет заставлять Трансценденцию служить этим ценностям, прикрываясь ею как высшей индульгенцией. Тогда свет звезды преломится, исказится, и блеск её станет кровавым.

Время стирает всё...

Человеческое бытие, как бы мы порой ни пытались убежать от этого, неизлечимо трагично. Мартин Хайдеггер связывал трагедию человека с тем, что последний смертен. Но сама смертность ещё не делает человека отличным от других живых существ, а, наоборот, роднит с ними. Смерть – главный парадокс жизни. Не смертность наделяет человека особым бытием – в этом он подобен всему живому, – а то, что он единственный знает, что живет в направлении смерти. Потому Хайдеггер и называл существование человека бытием к смерти.

Однако не следует забывать, что смерть всегда ближе к нам, чем наше собственное небытие. Смертен не только каждый из нас, не только наши ближние и наши дальние. Смертна любая из окружающих нас вещей, смертны наши слова, дела и мысли, история учит, что смертна даже бессмертная слава. Мы непрерывно являемся вольными или невольными свидетелями великой миграции сущего из бытия в небытие. Мы стоим посередине этого потока, необратимого как само время, которое рано или поздно пожрёт всё им же, временем, и порождённое.

Не мы и не Хайдеггер впервые осознали тленность, преходящесть подлунного мира. Не Марк Аврелий и не Экклезиаст. И не тот китаец, который первым бросил вслед своему обидчику ужасное проклятие: «Чтоб твои дети жили в эпоху перемен!» Ещё на самой заре своего существования человек обнаруживает, что мир, в котором он живёт, ненадёжен и изменчив, и тогда он начинает упорно искать мир другой, нечто неподвластное тлетворному влиянию времени, нечто, способное защитить смыслы его жизни от эрозии и энтропии. И человек устремляется из брэнной реальности, где властвует не-

умолимое время, к реальности высшего порядка, реальности вечности. И стремясь превзойти границы отпущенного нам удела, мы открываем Трансцендентное.

Трансценденция: опыт определения

Понятие «трансценденция» происходит от лат. *transcendens*, которое означает «перешагивающий», «выходящий за пределы». Соответственно, трансцендентным будет то, что обнаруживается «за пределами», «по ту сторону».

Очевидно, что «запредельность» не в последнюю очередь зависит от того, как, где и, главное, чему мы устанавливаем пределы. Так, даже Бог – казалось бы, высшее выражение Трансценденции – может быть в разной степени за пределами этому миру. Мифологическое сознание, например, древнего грека или индийца не проводило непреодолимой границы между миром земным и божественным: боги спускались на землю, жили среди людей, вмешивались в их дела, вдохновляли на подвиги, от человека их отличало, в первую очередь, бессмертие и иной уровень могущества, как правило, человеку недоступный. С другой стороны, иудео-христианский бог, к примеру, в значительно большей степени внеположен человеческому миру: взирая на человеческую историю как бы со стороны, как бы нависая над ней из вечности, абсолют авраамических религий почти абсолютно трансцендентен. Собственно сам Авраам с его беспрекословной готовностью принести в жертву собственного сына, как ниспосланное высшей милостью Бога и по праву требуемое им обратно, выступает весьма выразительным примером, иллюстрирующим колоссальный разрыв между человеком и Богом.

Однако трансцендентным (иногда трансцендентальным) может называться не только бог, боги, божественное, потусторонний мир. В определённом смысле трансцендентно будущее, которого ещё нет, а может никогда и не быть. Общество в своём развитии также знает трансцендентное как вектор собственного развития, наиболее полно раскрывшееся в феномене утопии. Так и жизненный проект каждого человека по-своему трансцендентен его нынешнему статусу.

Трансцендентен любой идеал, если он действительно идеал, а не компромисс между идеалом и реальностью. Недаром ещё Платон разнёс их по разным мирам. Трансцендентны ценности, даже те, что не обосновываются Трансценденцией (в отличие от, например, религиозных), если они стоят выше простой логики цели и средств. Именно поэтому некоторые ценности, не имеющие никакого отношения к трансцендентному миру (а значит, целиком и полностью укоренённые в материи этого мира) сакрализуются, и человек начинает поклоняться им как божеству.

Трансцендентен, наконец, любой Другой, в коммуникацию с которым мы вступаем, в силу своей неповторимой индивидуальности и, стало быть, принципиальной неисчерпаемости, невыразимости и непознаваемости до

конца. Стало быть и сама коммуникация всегда есть в некотором роде трансцендирование, поскольку она обращена на Другого. А одной из самых пронзительных форм трансцендирования, дарованных человеку, является любовь, благодаря которой человек оказывается способен и на самозабвение и самопожертвование, что освобождает его из тесных рамок его Я, растворяет в Другом и позволяет ему в определённом смысле превзойти свою конечность.

Тем не менее в строгом смысле слова трансцендентным следует считать только то, что именно выходит за пределы физического мира, физического существования, бытия-в-мире. На протяжении веков человек изобретал разной степени убедительности доказательства бытия Высшего начала или его небытия, однако в рамках нашего разговора объективное существование/несуществование Абсолюта, о котором мы можем наверняка так никогда и не узнать, не способно повлиять на существование Трансценденции, чьё место в умах и сердцах людей в не меньшей степени, чем на небесах, и едва ли наука сможет когда-либо дать окончательный ответ, что из них является отражением чего.

Если бы Трансценденции не существовало, её нужно было бы придумать. Но однажды придуманная Трансценденция уже реально существует. Письменный стол, живущий исключительно в нашем воображении, едва ли помог бы нам написать роман, равно как и воображаемое дерево не защитило бы нас от жаркого солнца. Точно так же и недописанный учебник по философии вряд ли научил бы чему-то хоть кого-то, кроме разве что автора учебника, не доведшего свою работу до конца. Очевидно, что Трансценденция отличается от стола, дерева и даже учебника по философии. Ибо наиболее значимым для человека выступает не модус её бытия, её онтологический статус, а те смыслы, которые человек обнаруживает с её помощью в окружающей его действительности и тех привычных вещах, из которых она состоит, будь то стол, дерево или учебник по философии.

В отношении же самой Трансценденции мы будем вынуждены признать её недискурсивность. Наш язык сформировался в этом мире, его слова (научные понятия в частности) описывают известные явления этого мира, и, даже если бы мы имели опыт трансцендентной природы, нам было бы чрезвычайно трудно адекватно осмыслить его, описать и передать другому. Буддистская нирвана, например, потому чаще всего определяется негативно (через то, чем она не является), что она по своей сути отлична от всего, что есть в мире сансары. Обещания, что «в раю никто не будет знать нужды», «пищи будет хватать на всех», а «праведных ожидают только счастливые дни и удовольствия, от которых им пришлось отказаться при жизни», могли служить убедительным билетом в Трансценденцию для простолюдина, но едва, когда-нибудь были способны удовлетворить сомнения человека образованного. Так, Трансценденция и являлась людям под разными масками – как счастливый слепок с этого мира, понятный и обнадёживающий, и как высшая тайна человеческого существования, манящая, томящая.

Трансценденция как социальный конструкт. Механизмы Трансценденции

Любая Трансценденция оказывается в первую очередь социальным конструктом. И даже сама идея выхода за пределы социального конструирования в свою очередь тоже формулируется в том или ином социокультурном контексте, в терминах и знаках, значимых именно в этом семиотическом поле, а стало быть, – также есть результат социального конструирования.

Можно ли предположить, что Трансцендентное, на которое извечно уповает и к которому во все времена тянется человек, действительно, то есть онтологически, существует? Можем ли мы допустить, что онтологически реальными являются Бог Предвечный, Абсолютный Дух, Дао, Брахман и Атман и т.д.? Конечно же, допустить это возможно, и, более того, для многих людей без такого допущения жизнь сразу окажется бессмысленной и невыносимой. Точно так же как мы полагаем онтологическую реальность мира, оставаясь в границах социально сконструированных познавательных процессов и методов, мы могли бы предположить и онтологическую реальность высшего Принципа этого мира. Но...

Но в рамках постнеклассической научной рациональности мы уже не можем не признать социально и культурно зависимый характер нашего знания о мире. Мир не есть доподлинно то, что мы знаем о нём и что мы когда-либо будем знать о нём. Или, если обратить эту логику: мы никогда не будем знать никакого другого, «настоящего» мира, кроме того, который знаем.

И если в процессе повседневной реализации своего жизненного проекта статус Трансцендентного – это результат свободного личностного выбора, то в нашем исследовании мы берём Трансценденцию как бы «в кавычках». Как имя того или иного камня, который человек пытается зашвырнуть на небо.

И при данном подходе главным вопросом для нас становится не «какова Трансценденция», а «какова её социальная природа и механизм её действия», то есть как и почему человек строит некий конструкт Трансценденции и что она, а вернее, этот конструкт, Трансценденция в кавычках, даёт человеку.

Как же работает Трансценденция? За счёт разрыва, который возникает между данностью и тем, что мыслится запредельным этой данности. Отрыв Трансценденции от сущего заряжает её своего рода энергией, которая, как если бы вы натягивали струну или тетиву, тем больше, чем значительнее этот зазор. Эту энергию Трансценденция передаёт человеку, вдохновляет его, устремляет к себе, ибо только будучи устремлённым, человек способен черпать из Трансценденции, а точнее, из разверзшегося зияния, эту энергию. Людям в силу специфики их психической и культурной конституции свойственно в большей степени синхронизироваться с Трансценденциями различной высоты, да и одному и тому же человеку на разных этапах своей жизни доводится пересматривать высоту своего алкания трансцендентного.

Кроме того, что различные виды Трансценденции (Справедливость, Свобода, Благополучие, Мировой закон, Бог, Абсолют) находятся на неодинаковом удалении от здесь-и-сейчас бытия человека, манят его с различной высоты, даже одна и та же Трансценденция (например, Бог) может раскрываться для человека в более приземлённых или более заоблачных формах, нашедших своё выражение в тех или иных символических системах, практиках, проблематизациях (М. Фуко), институтах.

Определённые эпохи, определённый порядок организации социума, задачи, которые ставит доминирующий аксиологический, экономический, политический порядок, вызовы, которые бросает история, – всё это выстраивает не только форму Трансценденции, которая будет предложена культурой человеку как истинностная (М. Фуко), но и предписывает разрыв между данностью и мечтой. Определённый вызов требует, чтобы в качестве ответа Трансценденция была вознесена на принципиально недостижимую высоту, за пределы этого мира, другой вызов ждёт, чтобы человек перенёс свой взгляд себе под ноги и утверждал себя не через служение царству небесному, а той или иной социальной утопии.

Не всякая высота Трансценденции для человека одинаково притягательна. Стоит слишком опустить её флаг, и Трансценденция потонет в данности, станет скучна и неинтересна, как часть повседневности. Но, с другой стороны, подняв Трансценденцию слишком высоко, можно окончательно оторвать её от земного существования человека, сделав её слишком абстрактной и уже неспособной напоить человека своей силой.

Хотя человек и устремляется к Трансценденции, для него наиболее значима не столько сама Трансценденция, сколько именно трансцендирование, переступание за пределы данности, за пределы самого себя. В тантрической метафизике есть понятие «оджас», это вирильная энергия, которая наполняет мужчину и движет им в направлении абсолютной целостности. В чём исток этой вирильной энергии? В женщине? Нет, но в трансцендентности женщины. И мужчина тем полнее этой энергией, чем дольше женщина остаётся недоступной. Если же мужчина, познавая женщину, достигает кульминационного пика и катарсической разрядки, то Трансценденция рушится, переходит в план данности, «оджас» разряжается, и мужчина, утратив вирильность, оказывается вял и немощен. Именно поэтому Тантра, как правило, рассматривает семяизвержение как всячески нежелательный исход соития. Достигнутая Трансценденция теряет власть над человеком, но, главное, она больше уже не может являться для него источником его силы, и такой Трансценденции человек продолжает молиться, скорее, по привычке или из ностальгических воспоминаний, из смутной надежды пережить то, утраченное. И в последнем случае уже видно, что не столько ради самой Трансценденции служит ей человек, а дабы вновь пережить трансцендирование.

Вызов Трансценденции: Трансценденция как пре-ступление

Представители различных культур в разные исторические эпохи знали Трансценденцию под всевозможными именами и одеждами. Однако мы предполагаем, что различие форм порождалось и порождается причинами отнюдь не трансцендентного характера. Под различными же масками являет себя общая устремлённость за горизонт, за пределы, желание – и страх – переступить порог предметно-функционального бытия человека. В этом смысле Трансценденция пре-ступна, а человек, ищущий её, – пре-ступник. Трансцендирование же, то есть выход за собственные пределы или за пределы наличного бытия, является пре-ступлением, – преступлением против голого функционализма, против одномерности, против обывательства, против однобокого физикализма, против массового сознания, против культуры потребительства, против вечной остановки в опредмеченном здесь-и-сейчас.

Как к любому преступлению, отношение к трансцендированию сложно и неоднозначно. Адептам Трансценденции ставились в вину романтизм и утопизм, слепота и чрезвычайно развитое воображение, гордыня и лицемерие. Реки крови были пролиты под знамёнами Трансценденции, бесчисленное множество судеб перемолото жерновами с трансцендентными именами. Порой адепты Трансценденции предпочитали уходить своими помыслами в иные, более совершенные миры, в то время как историческая необходимость могла потребовать их решительных действий в несовершенном, но человеческом мире. И тем не менее, человек алкал Трансценденции, и жажда эта не притухла по сей день. В чём же здесь секрет? В чём заключается столь притягательная сила того, чтобы переступить горизонт собственного наличного бытия?

Те, кто склонны защищать Трансценденцию, утверждают, что наше наличное бытие ещё не есть бытие подлинное. В нашей будничной жизни мы не способны видеть бытие в его цельности, только различные его части, никак не складывающиеся в единую картину. И суэта наших повседневных помыслов заслоняет от нас смысл нашего существования. Значение трансцендирования, как его видит, например, М. Хайдеггер, состоит в том, чтобы, выйдя за пределы собственного бытия, найти его смысл, недоступный изнутри, из точки бытия-в-мире, погружённого в вечную заботу. Или, как полагают многие мистики, превзойдя границы мира, увидеть мироздание целиком, бесконечно большее, чем что-либо доступное нашему опыту в этом мире.

У современного вызова Трансценденции есть два уровня: внутренний, сущностный, связанный с экзистенциальной потребностью человека в Трансценденции и его одновременной укоренённости в социальной реальности как таковой и в посястороннем мире вообще. Это ядро вызова Трансценденции, оно неизменно, насколько неизменна природа человека и его положение во Вселенной. Другой уровень – феноменальный, внешний, но для человека не менее важный. Этот уровень всячески обусловлен конкретным

культурно-историческим контекстом, преходящим и ситуативным, однако именно в этом контексте и строится судьба отдельного человека и социума и их отношения с Трансценденцией. И хотя ядро вызова и есть его глубинная сущность, его жало находится на поверхностном уровне, в этом и заключается его сила жалить. Нам ещё предстоит рассмотреть, чем же так жалит вызов Трансценденции человека сегодня, но сначала следует уделить наше внимание тому вечному, непреходящему, что есть в нём.

Итак, Трансценденция бросает человеку вызов. В качестве вызова она бросает ему в лицо себя. Отказаться от Трансценденции значит обрекать себя на неполноценное существование, значит жить только наполовину или на треть. Это значит свести себя почти исключительно к низшим, базовым потребностям, игнорируя потребности высшего порядка, которые в наибольшей степени и отличают человека от животного, а стало быть, образуют истинно человеческое.

Без Трансценденции человек почти целиком остаётся в объятиях феноменологического измерения: он – то, что он есть, а не то, чем он мог бы быть. Без Трансценденции человек знает только о своей сиюмоментной функциональности: он лишь вещь среди вещей.

Без Трансценденции мир – это только материально-предметный мир позитивной науки, и в этом мире любой конечный смысл неустойчив и абсурден, ибо позитивная наука не спрашивает мир о его бесконечном смысле, который мог бы оправдать смысл конечный.

Так, Трансценденция вызывает человека на поединок, и если человек откажется от него, он рискует потерять часть человеческого в себе.

Но принять Трансценденцию означает упасть в пропасть, лежащую между конечным и бесконечным.

Приняв Трансценденцию, необходимо иметь острый глаз, чтобы не потерять её за бесконечными пёстрыми одеждами, в которые непрестанно рядят Трансценденцию её жрецы.

Приняв Трансценденцию, нужно научиться уважать другого, Трансценденция которого одета в другие одежды, нежели твоя, и научиться не смотреть свысока на того, у кого нет Трансценденции.

Нужно помнить, что Трансценденция не мусорная корзина, в которую можно складывать все свои фантазии и несбывшиеся мечты.

И самое важное, в чём, должно быть, сокрыт главный вызов Трансценденции, – не стоит ставить её в зависимость от целей и потребностей материально-предметного мира и материально-предметной жизни, доступных человеку и без Трансценденции. Не стоит заставлять запредельное, высшее служить оправданием низшему, тому, что ограничено пределами, но при этом необходимо удержаться на тонкой грани между просветлённостью и эскапизмом и не оторваться от мира, уйдя душой за его грань, а научиться видеть мир через мелодику смыслов, озарённую трансцендентным светом.

Итак, Трансценденция сегодня, как и во все времена, не только одаривает, но и требует. Отвечать ли на вызов, который она бросает человеку, или

притвориться (признать?), что послание доставлено не по адресу, – решать каждому из нас.

Трансценденция и традиция. Трансценденция вчера

В прошлом Трансценденция занимала центральное место в жизни человека. Распределение власти и собственности в обществе, ценностные конструкции, доступные модели самореализации и предлагаемые культурой смыслы жизни – всё это и многое другое, так или иначе, вращалось вокруг идеи Трансценденции. Это в равной мере относится как к традиционным обществам минувших эпох, так и к традиционным обществам современности.

Любое традиционное общество живёт, как следует из самого понятия, традицией, причём на уровне символов и смыслов прежде, например, традиции возделывания земли или традиции внутрисемейных отношений идет традиция интерпретации и почитания Трансценденции.

Очевидно, что неотъемлемое присутствие трансцендентного начала в духовно-культурном горизонте не означало, что каждый или даже каждый второй человек будет трансцендировать. Ещё ни одно из известных нам обществ не было полностью трансцендирующим, даже древнеегипетское, вопреки расхожему мнению, что земная жизнь древних египтян была всецело посвящена жизни загробной. Однако общество, где человек с самого рождения и до самой смерти находится в окружении символов, отсылающих его к Трансценденции, в большей степени предполагает возможность пойти дальше ритуального повторения определённого набора действий и начать трансцендирование, нежели общество «современного типа», где Трансценденция либо маргинальна, либо относится к дополнительному набору практик «на выбор».

Вместе с тем человек традиционного общества всегда ограничен сформировавшейся в этом обществе традицией интерпретации трансцендентного начала. Будучи ограниченным в возможностях соотносить и анализировать тот обширный культурологический материал, что доступен человеку нетрадиционного общества, он привычно видит Иное, в частности иное понимание Трансценденции как порочное, в лучшем случае ошибочное. В этом отношении человек нетрадиционного общества не только не ограничен определённой системой трансцендентного, имеет возможность выбирать традицию на собственное усмотрение, но и, сравнивая и анализируя различные интерпретации, в поисках Трансценденции более склонен трансцендировать и её исторически и культурно обусловленные формы.

Как бы то ни было, западные общества, начиная с эпохи Возрождения и Нового времени, постепенно утрачивают присущую им ранее трансцендентную ориентированность. Трансценденция отступает в сферу непосредственно религиозных практик, которые в свою очередь все более становятся личным делом каждого, и в философские учения, безудержный сциентизм кото-

рых либо со временем оборачивается позитивизмом, не терпящим метафизики, либо иссушает Трансценденцию до её понятийно-логической оболочки. Даже там, где благочестие и религиозность не считаются атавизмом, они рассматриваются как признак хорошего тона или воспитания, а соблюдение обрядов и ритуалов в обществе, где с детских лет мир человеку объясняет наука, неотвратимо вырождается в неотрефлексированную формальность. К XX в. Бог, по существу, стирается с символически-смыслового небосвода – это явление, названное Ф. Ницше «смерть бога», является переломным и чрезвычайно значимым для понимания судьбы современного человека.

Р. Генон во второй четверти XX в. утверждал, что в современной ему Европе было бы очень трудно найти по-прежнему живую традицию. В поисках таковой он оказывается вынужден обратиться к традициям Востока – прежде всего индуизму и исламу. Э. Гидденс отмечает, что сегодня на Западе можно констатировать диагноз «конец традиции», причём это явление начинает активно распространяться и на традиционные восточные общества, если только они не успевают схорониться в крепости фундаментализма.

Но если налицо конец традиции, если бог умер, то означает ли это и конец Трансценденции, её смерть?

Вызов Трансценденции: Трансценденция сегодня. Падение Трансценденции

После смерти бога, с уходом подлинно трансцендентных форм Трансценденции, в преимущественно секуляризованном обществе выживают в основном такие формы, которые в прошлом, как правило, не существовали обособленно. Власть сама по себе была трансцендентна и в традиционном обществе, но, главным образом, за счёт некой постулируемой связи с божественным началом. Сегодня власть, по сути, остаётся трансцендентной для большинства населения даже в обществах, называющих себя демократическими, либо в силу неразвитости гражданского сознания, либо в силу совершенных механизмов управления и манипуляции.

Богу богово, а кесарю кесарево, но в настоящее время, когда не вполне ясно, кому отдавать богово, кесарево также становится по-своему трансцендентным. Экономика трансцендировала интересы отдельного человека или группы людей, глобальная экономика выходит за пределы национальных государств. Виртуализация экономики делает её по-новому трансцендентной, ибо здесь уже больше нет строгого и непосредственного соответствия между деньгами и товаром, между экономикой и её материальным основанием.

Рай был всегда потусторонен этому миру, однако определённые социальные теории предположили возможность построения рукотворного рая в обход Тысячелетнего царства, Страшного суда и прочих, не зависящих от человека «абстракций». Тем не менее обещанный «рай на земле» оказывается едва ли менее трансцендентным, чем рай посмертный. Ж. Бодрийяр отме-

чает, что точно так же, как церковь живёт отсроченной вечностью, государство живёт отсроченным благополучием.

Символы до своей секуляризации были способны отсылать человека к трансцендентным смыслам. Современный человек сакрализует сами символы, молится на знамя, на статую, на площадь, бальзамирует вождей, которые искореняли саму мысль о посмертном существовании. Конечно, новые «сакральные» символы изначально дороги человеку не сами по себе, они всё-таки остаются символами и, следовательно, играют главную свою роль – символизируют, но то, что они символизируют, «сакрально» не по своей природе, а через подмену, необоснованный отрыв, дистанцирование от реальной жизнедеятельности людей.

Итак, после смерти бога Трансценденция сохраняется, при этом, однако, мы вынуждены констатировать её падение. Такая «Трансценденция» принципиально ниже своей потусторонней предшественницы и в значительно меньшей степени способна справляться со своими основными функциями утверждением порядка над хаосом и объединением людей, разделённых по-сторонними противоречиями. Такая «Трансценденция» способна объединять людей, имеющих схожие интересы, но она же и разделяет их, когда их интересы пересекаются, подобно тому, как объект желания превращает братьев во врагов.

Трансценденция и насилие

Трансценденция способна примирить противников, показав, как мелки и пусты их споры в сравнении с трансцендентным. Она же может и подтолкнуть к насилию против того, кто, с точки зрения данной традиции интерпретации Трансценденции, является чужаком, еретиком, безбожником, антиглобалистом, фундаменталистом, одним словом – Другим.

О. Хаксли некогда разделил мыслителей всех времён и народов на две категории: философы времени и философы вечности. И те и другие говорят о высших ценностях, и те и другие призывают к светлому, и те и другие апеллируют к Истине, Добру, Красоте. Главное же отличие между ними заключается в том, что первые живут интересами времени и говорят о ценностях вечности, ставя их на службу целям и потребностям настоящего момента, которые единственно могут быть оправданы и обоснованы исходя исключительно из самого этого момента и некоторой временной длительности, но никак не с помощью того, что трансцендентно всему внутримировому и временному. Философы вечности, в свою очередь, хотя вовсе и не обязаны отречься от проблем и невзгод мира, никогда не поставят вечность в зависимость от преходящего, а, напротив, попытаются прочесть настоящее с точки зрения вневременного.

Если бог вечен и бесконечен, его нет нужды делить. Соперничество и порождаемое им насилие рождаются тогда, когда обожествлено то, что ограничено – например, территория, власть, богатство, социальный проект или

интерпретация бога, не терпящие посягательства со стороны Другого. Соответственно Трансценденция может пробудить насилие только тогда, когда речь идёт не о настоящей Трансценденции, а о Трансценденции падшей, о «сакрализованном» мирском.

Порядок в эпоху хаоса?

Если Трансценденция древнего человека была способна творить порядок из хаоса сначала символически, путём выстраивания единой иерархии смыслов, а затем и реально – через конкретные формы жизнедеятельности людей, выстраивающиеся на этих смыслах, то падшая Трансценденция, как если бы она была shareware версией подлинной Трансценденции, принципиально ограничена в этой возможности. Дело в том, что Трансценденция, опущенная в пределы внутримирового бытия человека, уже не может выстроить универсальной символически-смысловой системы, поскольку рядом всегда возможна другая падшая Трансценденция со свисающей с нее альтернативной сеткой смыслов и символов. И единый порядок – сперва символический, затем реальный – оказывается расколот на две и более частей, и по ходу всё большей персонализации символического измерения, центров этого измерения становится всё больше, и отныне каждый из них уже не мировая ось, центр космоса, а аттрактор в зыбком и беспокойном океане хаоса.

Тот факт, что объяснение различных уровней миропорядка с помощью теории хаоса становится всё более популярным, сам по себе обязан не только прогрессу научного знания, но и многочисленным причинам социально-культурной природы. До того, как бог умер, мир (или, по крайней мере, та его часть, что относилась к Творению) мыслился упорядоченным, потому что никто не ставил под сомнение причину и гарант этого порядка. Некоторое время умерший бог подменяется Системой, которая также является основанием для порядка, хотя и менее трансцендентным. Однако дальнейшая демократизация социальной реальности и основных ценностных установок шла вразрез с жёстким диктатом системы, как социальной, так и онтологической. Традиционная идея порядка требовала чёткой вертикальной иерархии, в то время как демократические и эгалитарные идеалы принципиально антииерархичны и горизонтально-ориентированы. Отныне ни один элемент не мыслится по своей природе выше и значительнее других, следовательно, организованность социальной реальности не может проистекать из какой-либо привилегированной позиции (поскольку ни одна позиция не может быть привилегированной), а способна единственно зародиться из реальности непосредственной коммуникации между членами общества. Эта организованность, по сути, должна быть открыта непрерывной переоценке ценностей, как её называл Ф. Ницше, или дискуссии, которая, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, направлена, скорее, на поиск разногласий, нежели консенсуса, что ведёт к размыванию устойчивых нормативных рамок и переходу к

новому типу правил, главной отличительной чертой которых выступает их временность.

Более того, современный субъект коммуникации стремится освободиться не только от своего вчера с его правилами и ценностями, ставшими сегодня *out of date*, но и от самого себя. Виртуализация социальной реальности, сближение и взаимопроникновение физического и электронного поля взаимодействия индивидов приводят к растущей условности любых характеристик вашего социального облика. Перед человеком раскрываются ранее никогда не виданные возможности по демонтажу и конструированию своего виртуального «я», которое со временем становится всё более реальным. Странствуя по волнам хаоса, каждый субъект сегодня склонен претендовать на роль значимого аттрактора, утверждающего собственное видение реальности и собственный набор смыслов, проистекающих из этого видения. Однако такой субъект, как правило, не обременён обязательствами ни по отношению к другим субъектом, ни даже по отношению к собственному вчерашнему видению мира. Доминирующие ситуативность и утилитарность смыслов, которыми живёт человек, влекут всю социальную реальность дальше от полюса порядка к полюсу хаоса.

Хаос подразумевает невозможность проследить какие-либо устойчивые причинно-следственные или смысловые связи между явлениями. Это невозможность может корениться как в онтологии мира, погружающегося в хаос, так и в ограниченности наших познавательных способностей. В первом случае нам остаётся только попытаться научиться жить в волнах наступающего хаоса, пока наш миропорядок окончательно не исчезнет или пока он не начнёт обратного движения от хаоса к порядку. Другой вариант означает, что каузальные или смысловые связи отсутствуют в нашей картине мира просто потому, что мы их не можем разглядеть. Системные связи сохраняются, но становятся настолько тонкими и чувствительными, что ускользают от нашего ока, привыкшего к чёткости и однозначности. В таком случае и сам хаос оказывается доступен нашему изучению, открываясь нам как сверхсложная система, и навигация (Э. Ласло) в зыбком океане нашего будущего оказывается хотя и сложной, но потенциально возможной.

Трансценденция завтра? Дверь в Трансценденцию

Итак, сами процессы, которые ведут к растворению упорядоченности социального, оказались возможными только с уходом традиционной Трансценденции, а все прочие Трансценденции в силу своей недостаточно трансцендентной природы не способны служить универсальным основанием для взаимодействия того, что по своей земной природе кажется нам различным. Следовательно, стать единым полем для коммуникации субъектов, каждый из которых стремится ко все большей индивидуальности, могло бы только то поле значений и смыслов, которое было бы отражением реальности, выходящей за пределы повседневного мира, в котором и укоренены многочис-

ленные разногласия. Но смерть бога, конец традиции едва ли оставляют человеку возможность обрести вершину своих устремлений в Трансценденции традиционного типа. Встаёт вопрос: может ли человек найти Трансценденцию нетрадиционного типа, которая при этом являлась бы не менее трансцендентной?

Тот же Э. Гидденс, утверждающий, что традиции приходит конец, склонен считать, что на самом деле люди не столько отказываются от традиции как таковой, сколько перестают следовать традиции традиционным образом. Вместо этого человек – даже в традиционном обществе – обращается к новым, нетрадиционным средствам, чтобы поддерживать ту или иную традицию, начиная от новейших компьютерных технологий и заканчивая технологиями социальными. Это можно справедливо отнести и к религии, которая веками была ведущей традицией взаимоотношений человека и Трансценденции.

Современному человеку чрезвычайно трудно уместить Трансценденцию в однозначные рамки той или иной религии и остаться при этом современным. Поэтому он более склонен идти к Трансценденции путём, по возможности, максимально близким к науке, некогда Трансценденцию и изгнавшей. Современная наука уже не берётся по-позитивистски однозначно отметить утверждение о наличии недоступной пока нашему пониманию целенаправленной организованности Вселенной (антропный принцип). Значительное число исследований ведутся в рамках так называемой холистической парадигмы (которая, вероятно, ближе восточному типу религиозности, нежели иудео-христианскому), подразумевающей единство всех уровней мира и единство с ними человеческого сознания (концепция «синхроничности» К.Г. Юнга, «космическая игра» С. Грофа, теория «эволюции от Логоса к Холосу» Э. Ласло и т.д.). Всё это свидетельствует о том, что для Трансценденции всё ещё открыта дверь в человеческую жизнь и что для человека всё ещё открыта дверь в Трансценденцию.

THE CHALLENGE OF TRANSCENDENCE

A.V. Syomushkin

The article examines the concept of transcendence and its significance in the life of man and society. It is noted that its loss leads to personal and social degradation. The historical types of transcendence, from traditional society to modernity, are identified. The author expresses concern over the spiritual state of modern man, who has lost aspiration for the transcendent, the spiritual-moral ideal creating cosmos out of chaos. At the same time, a hope is expressed that the transcendent has not gone away but is only changing its forms.

Key words: ideal, cosmos, death, transcendence, transcending, utopia, chaos, existence.